

Да, воинъ (рыцарь) безъ страха и упрека—
достижимый идеаль.

(Отвѣтъ г-ну Ш—ву).

В привыкъ почитать г-на Ш—а, какъ много потрудивша-
гося по выясненію вопросовъ военной психологіи и во-
обще, какъ, такъ сказать, миссіонера этой величайшаго
значенія для военнаго дѣла и жизни науки.

Это чувство глубокаго уваженія и преклоненія передъ жре-
цомъ науки, ревностнымъ поклонникомъ которой я считаю и
себя, является ручательствомъ того, что мои возраженія г-ну
Ш—у имѣютъ единственную цѣль, единственное побужденіе—по
возможности научно выяснить вопросъ о страхѣ.

Считаю этотъ вопросъ отчасти своей спеціальностью и уже
пробую предложить вниманію читателей свое изслѣдованіе «страха
и борьбы съ нимъ» черезъ общество ревнителей военныхъ знаній.
Это обстоятельство можетъ тоже служить ручательствомъ внима-
тельнаго съ моей стороны отношенія ко всякому указанію по этому
вопросу, ко всякому случаю, ко всякому опыту, данный вопросъ
разъясняющему.

Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что военные психо-патологическіе этюды, приведенные г-номъ Ш—вымъ въ № 3 «Военнаго Сборника», въ высшей степени интересны, но только какъ патологическія извращенія, т. е. *ненормальности*; интересны для науки *патологии*, т. е. для науки о болѣзняхъ, науки о патологическихъ уклоненіяхъ отъ нормальнаго состоянія животнаго организма.

Но всѣ патологическія явленія, всѣ извращенія, всѣ ненормальности не могутъ служить положительными примѣрами для науки, изслѣдующей явленія нормальнаго духа. Тѣмъ болѣе, что про патологическія явленія можно сказать только то, что они характеризуютъ уклоненія отъ нормальнаго, а не само нормальное, почему на уклоненіяхъ, на ненормальностяхъ, нельзя учиться нормальному порядку явленій.

Если же приведенные г-номъ Ш—вымъ патологическіе этюды и могутъ служить доказательствомъ, то именно они ндутъ противъ положеній и выводовъ г-на Ш—а и въ подтвержденіе выводовъ моихъ, какъ въ возраженіи ему въ № 11, 1912 г. «Военнаго Сборника», такъ и въ «Страхъ и борьба съ нимъ». Вѣдь всѣ приведенные г-номъ Ш—вымъ военные психо-патологическіе этюды, т. е. душевныя разстройства, являются послѣдствіемъ именно развитія страха, послѣдствіемъ безсилія съ нимъ справиться, а никакъ не послѣдствіемъ потери его.

Всѣ изображенные субъекты г-на Ш—а согласно и отчетливо, сознательно или безсознательно, показываютъ, что они *не справились со страхомъ*, съ волненіемъ, съ раздраженіемъ.

Страхъ вѣдь опредѣляется психологійей, какъ ожиданіе опасности, зла, боли, бѣды, и вотъ самъ г-нъ Ш—въ невольно, помимо желанія, дѣлаетъ выводъ, что всѣ приведенные имъ случаи разстройства и ненормальностей, а также и «исканія смерти», имѣютъ общей причиной наличіе страха, а не отсутствіе его. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ подлинныя слова г-на Ш—а на стр. 116:

«Какъ на общую причину, доводящую психику бойцовъ до подобнаго состоянія «исканія смерти», подвергавшіеся этому состоянію воины указываютъ на чисто психическій факторъ «тревожно-томительное ожиданіе» (вотъ это-то и называется страхомъ), «при безцѣльныхъ стояніяхъ по нѣсколько мѣсяцевъ. Каждую минуту ожиданіе, ожиданіе...», т. е. каждую минуту все страхъ, страхъ, все большее развитіе страха, оканчивающееся, какъ во всѣхъ случаяхъ страха,—парализаціей всѣхъ своихъ силъ и желаніемъ уйти отъ этого положенія, покончить съ нимъ хоть смертью. Страхъ

измучилъ ихъ и разстроилъ нервную систему. Не было бы причины къ разстройству.

Тамъ приводится не потеря страха, т. е. не потеря ожиданія опасности, а именно высшее наиряженіе этого ожиданія, высшая точка страха, какъ извѣстно часто оканчивающагося или смертью, или именно душевнымъ разстройствомъ.

Душевные разстройства не могли бы имѣть мѣста при отсутствіи страха, т. е. при отсутствіи этого «ожиданія», ожиданія опасности, боли, бѣды, зла. Они являются именно у тѣхъ, у кого, благодаря свободному развитію страха, волненія, раздраженія, не хватаетъ силъ справиться съ этимъ страхомъ (ожиданіемъ опасности, бѣды, зла), но въ то же время чувство долга настолько развито, что заставляетъ бороться со страхомъ (развѣ мыслимо отрицать эту борьбу страха съ чувствомъ долга и др. высшими чувствами, «вышимъ психизмомъ» на войнѣ, да и вездѣ), отъ какой-то борьбы и появляется безсиліе, разстройство.

Еще въ одномъ мѣстѣ г-нъ Ш—въ вопреки своему заявленію, что «въ корнѣ не согласенъ» со мной относительно того, что *воинъ безъ страха былъ бы идеаломъ* (но, конечно, какъ я и говорилъ, только безъ страха, безъ волненій, безъ раздраженія, а не безъ ума, безъ воли, безъ высшихъ чувствъ, вообще безъ «высшаго психизма»), оказывается въ корнѣ со мной согласнымъ. Онъ говоритъ: «Когда же мы имѣемъ налицо потерю низшихъ чувствованій (въ томъ числѣ подразумѣвается по предыдущему и страхъ), то высшія чувства являются уже потерянными...». Раньше этого онъ говоритъ: «согласуется съ законами психики человѣка, гдѣ при процессахъ утраты психическихъ способностей всегда утрачиваются сначала психическія пріобрѣтенія болѣе поздняго времени, позже всего утрачиваются чувства низшаго порядка—страхъ, гнѣвъ и др.»...

То есть: душевные разстройства приведенныхъ патологическихъ субъектовъ безусловно явились послѣдствіемъ потери высшихъ чувствъ—чувства долга и др. обязанностей. Низшія же чувствованія, страхъ и др., какъ мы видѣли раньше, только дошли до своего предѣла, не будучи сдерживаемы ослабѣвшимъ или ранѣе потеряннмъ высшимъ психизмомъ (умомъ, чувствомъ долга)...

Если мы съ г-номъ Ш—вымъ въ чемъ не согласны въ корнѣ, такъ это въ томъ, что я смотрю на страхъ, какъ на слабость духа и даже ужаснѣйшую болѣзнь духа, вѣрнѣе—какъ на недостаточное развитіе высшаго психизма въ человѣкѣ (объ этомъ подробнѣе сказано въ «Страхъ и борьба съ нимъ»), а г-нъ Ш—въ смотритъ на страхъ, какъ на «норму психическихъ явленій».

Я считаю, что страхъ, какъ эмоція, тѣсно связанная съ инстинктомъ (самосохраненія), является совершенно излишнимъ съ развитіемъ разума, или, вѣрнѣе,—съ замѣной инстинкта—разумомъ. Вообще развитіе разума и высшихъ чувствъ (совѣсти, чувства долга), высшаго психизма, обязательно обратно пропорціонально развитію страха: чѣмъ разумнѣе человѣкъ, тѣмъ меньше у него «страховъ»; чѣмъ выше материнская любовь, тѣмъ она *самоотверженнѣе*, т. е. тѣмъ больше презрѣнія къ опасности, тѣмъ меньше *ожиданія* близкой опасности, бѣды, боли, т. е. страха; чѣмъ выше даже у всѣхъ животныхъ инстинктъ сохраненія рода, тѣмъ меньше страхъ (инстинктъ самосохраненія); чѣмъ выше религіозное, патріотическое чувство, чѣмъ выше любовь къ ближнему, тѣмъ меньше страхъ, боязнь опасности, ожиданіе опасности, бѣды, боли...

Благодаря разуму, высшимъ чувствамъ и волѣ, *страхъ* перерождается въ *осторожность*, въ *осмотрительность*. Только осторожность, осмотрительность—что можно назвать разумнымъ страхомъ—и совѣстимы съ высшимъ психизмомъ, не враждуютъ съ нимъ, а потому только присутствіе осторожности, осмотрительности не дѣлаетъ субъекта патологическимъ, какъ это, однако, дѣлаетъ страхъ (что было видно изъ приведенныхъ примѣровъ у г-на Ш—ва).

Г-нъ Ш—въ полагаетъ, что «такого состоянія психики воина, гдѣ бы съ одной стороны имѣлось «отсутствіе чувства *самосохраненія*», причемъ, теряя это относящееся къ низшему психизму чувство, съ другой стороны, этимъ самымъ усиливалось бы высшее чувство человѣка—чувство долга и совѣсти, быть не можетъ».

Не только «можетъ», но это суцая аксіома; это мы наблюдали и наблюдаемъ на всѣхъ и вся; и наблюдаемъ не только на людяхъ, но даже на животныхъ. Чѣмъ больше теряетъ воинъ чувство самосохраненія, тѣмъ онъ самоотверженнѣе (противоположно самосохраненію) защищаетъ Царя, родину, ближнихъ. Чѣмъ больше собака любитъ (высшее чувство) хозяина, тѣмъ выше у ней какъ бы *чувство долга*,—тѣмъ самоотверженнѣе защищаетъ его.

Если бы высшія чувства человѣка—чувство долга и любовь къ Царю и родинѣ—не усиливались съ потерей чувства самосохраненія, то и не могло бы быть того, что сдѣлалъ Сусанинъ и другіе, ему подобныя. Не могло бы быть безъ высшаго религіознаго чувства и того, что дѣлали мученики и подвижники. А вѣдь мученики и подвижники буквально теряли чувство самосохраненія, теряли всякій страхъ смерти и мученій.

Однако, никто не рѣшится сказать, что эти мученики «патологическіе субъекты» и что у нихъ прежде, чѣмъ утратились чувства низшаго порядка—страхъ, гнѣвъ, сначала были утрачены психическія пріобрѣтенія высшаго порядка—чувства долга и обязанности, какъ пріобрѣтенія болѣе поздняго времени...

Того же нельзя сказать и про Муція Сцеволу, положившаго руку въ огонь.

«Рыцарю безъ страха» (чувство низшаго психизма) оказывается нисколько не мѣшало быть и «безъ упрека» (высшее достоинство по исполненію велѣній чувства долга, совѣсти, воинской доблести, рыцарства).

На всѣхъ примѣрахъ всемірной исторіи, да и на собственномъ опытѣ, можно убѣдиться, что развитіе ума, воли, высшихъ чувствъ человѣка (чувства долга, совѣсти, любви къ ближнимъ, къ Царю и родинѣ и отсюда—воинская доблесть и самоотверженіе при защитѣ ихъ) всегда связано съ побѣдой надъ страхомъ, надъ чувствомъ самосохраненія и постепенность этого развитія, можно сказать, почти пропорціональна потерѣ чувства страха.

И дѣйствительно, чѣмъ выше интеллектъ, умственный уровень, тѣмъ меньше суевѣрныхъ страховъ, да и всякихъ. Понемногу разсѣиваются страхи темноты, страхъ грома, подземелій, «загробнаго міра», стихій, боли, болѣзней и всякихъ иныхъ страховъ. Умъ только, какъ я говорилъ уже, допускаетъ въ нужныхъ случаяхъ имъ дрессированный страхъ, т. е. разумный страхъ, а именно—осторожность, осмотрительность.

Рельефный примѣръ потери страха съ развитіемъ ума и вообще высшаго психизма—купаніе въ холодной водѣ: у ребенка страхъ къ купанью въ холодной водѣ непреодолимо великъ и ребенокъ не въ состояніи преодолѣть его. Съ развитіемъ разума и съ упражненіями этотъ страхъ теряется, хотя безъ упражненій нѣкоторые все еще «боятся»: впускаютъ ногу въ воду и отдернуть, но всетаки умъ пристыдитъ за это и побудитъ волю исполнить свое рѣшеніе, доказывая неосновательность или постыдность страха, т. е. ожиданія опасности, боли, бѣды... Тамъ, гдѣ высшій психизмъ не развивается, а остается инстинктъ, какъ напр., у животныхъ, этотъ страхъ къ холодному купанію никогда не преодолевается.

Если бы и на войнѣ разумомъ, высшими чувствами и волей, а до войны постепенными упражненіями побѣждалось также это «ожиданіе опасности», т. е. страхъ, доказывались бы постыдность и вредъ его, то какъ возможны были бы приведенные г-номъ Ш—вымъ

патологическіе этюды, причина которыхъ по заявленію всѣхъ и самого г-на Ш—ва именно и есть «ожиданіе» опасности, т. е. страхъ. Какъ бы тогда при отсутствіи этого разстраивающаго весь психизмъ «ожиданія», т. е. страха, и наличіи чувства долга возможно было самоубійство или безразличіе къ тѣмъ, по любви къ которымъ пошли на ихъ защиту?

Ужели и теперь, во имя науки, во имя цѣлей воспитанія братьевъ родной страны, г-нъ Ш—въ не согласится, что не отсутствіе страха, а развитіе его создало показанныхъ имъ патологическихъ субъектовъ, и что воинъ долженъ заранѣе постараться побѣждать страхъ до полной его нейтрализаціи, до идеала «воина безъ страха. А чѣмъ бороться со страхомъ—есть въ «Страхъ и борьба съ нимъ».

А. Дмитревскій.

